

О. М. Хагба

О СООТНОШЕНИИ ПРАВ И СВОБОД ЛИЧНОСТИ В МЕХАНИЗМЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Конституция Российской Федерации устанавливает комплекс прав и свобод личности, являющихся основой ее общеправового статуса. Однако правовая наука еще не выработала общепринятого подхода к определению соотношения прав личности и свобод личности. При этом признается, что свобода личности может быть реализована лишь при условии, что на действия, мысли и чувства человека не осуществляется внешнего воздействия. Обратный же процесс порождает соответствующие правоотношения, поскольку государство гарантирует охрану, соблюдение и защиту свобод посредством права.

В статье рассматривается одна из сфер правовых отношений — уголовное судопроизводство. Исходя из того, что свобода является производной права, устанавливается и обеспечивается правом, главная роль в осуществлении свобод конкретного участника уголовно-процессуальных отношений возлагается на других лиц, которые не должны ему в этом препятствовать, а выполнением своих обязанностей создавать условия для реализации прав на свободу, поэтому в механизме обеспечения прав и свобод личности при производстве по уголовным делам большое значение имеет учет приемов законодательного закрепления охраны и защиты прав и свобод, предполагающих особенности их практической реализации.

Ключевые слова: права и свободы личности, статус личности, юридическая свобода, уголовно-процессуальная норма, управомочивающая норма, правоотношения.

О. М. Khagba

PROBLEM OF THE CORRELATION OF RIGHTS AND FREEDOMS OF THE INDIVIDUAL IN THE MECHANISM OF LEGAL REGULATION OF CRIMINAL PROCEDURE RELATIONS

Constitution of the Russian Federation establishes a set of rights and freedoms of the individual which are said to be the basis of its general legal status. However, legal science has not yet developed a generally accepted approach to determine the correlation of rights and freedoms of the individual. It is known that freedom of the individual can be realized only if the actions, thoughts and feelings of the person are not affected (influenced on) by external factors. In contrast to it, the relevant legal relations appear as the state guarantees the safety, observance and protection of freedoms by means of law.

The article deals with one of such spheres of the legal relations — criminal proceedings.

As the freedom is derived from law, as well as established and ensured by law, the main role while implementing freedoms of a given participant of the criminal procedure relations is entrusted to other persons who should not prevent it, but fulfill their duties to create conditions for realization of the rights to freedom. Therefore, in the mechanism to guarantee rights and freedoms of the individual in criminal proceedings, it is important to take into account the methods of legislative consolidation of the safety and the protection of rights and the freedoms presupposing specifics of their actual realization.

Key words: rights and freedoms of the individual, a status of the individual, legal freedom, criminal procedure standard (norm), empowering standard (norm), legal relations.

Известно, что основной тенденцией правовой эволюции современных обществ является признание высшей ценности прав и свобод личности, обеспечивающих ее большую самостоятельность и независимость, что

обеспечивается системой гарантий невмешательства в частную жизнь со стороны государства. Международное сообщество выработало систему принципов, прав и свобод, которые в современном мире являются

общепризнанными, а ряд международных документов, раскрывающих их содержание и значение, давно стал частью правовых систем современных государств. Прежде всего, это такие документы, как Всеобщая декларация прав человека 1948 г., Конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г., Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г., признающие свободу личности в качестве неотъемлемого свойства человеческой природы, выражаемой в естественных неотчуждаемых правах. Свобода личности может быть реализована лишь при условии, что на действия, мысли и чувства человека не осуществляется внешнего воздействия. Обратный же процесс порождает соответствующие правоотношения, поскольку государство гарантирует охрану, соблюдение и защиту свободы посредством права. Как пишет один из исследователей, «Свобода — способность и возможность сознательно-волевого выбора индивидом своего поведения. Она предполагает определенную независимость человека от внешних условий и обстоятельств. Однако свобода как свойство личности не бывает абсолютной и всегда носит относительный характер, то есть ограничивается определенными рамками... правовые нормы определяют границы индивидуальной свободы. Право — официальная мера свободы, устанавливаемая государством для отдельных индивидов, социальных объединений, общества в целом» [1].

Так, ст. 19—53 Конституции Российской Федерации устанавливают перечень принципов, прав и свобод, являющихся основой общеправового статуса личности. В их число входят: равенство всех перед законом и судом; признание и охрана государством достоинства личности; право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту чести и достоинства, тайну переписки, сообщений и переговоров, неприкосновенность жилища, свободу определять свою национальность, свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства, свободу мысли и слова; право на объединение, мирные собрания и шествия; право обращения в государственные органы и органы местного самоуправления; право частной собственности; право на социальное обеспечение; право на жилище, охрану здоровья и медицинскую помощь; право на образование; право на судебную защиту прав и свобод, получение квалифицированной юридической помощи; право на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями органов государственной власти или их должностных лиц.

Поскольку наибольшую общественную опасность имеют покушения на права и свободы личности, связанные с преступлениями, особое значение

приобретает перечень уголовно-процессуальных прав и свобод, призванных гарантировать конституционный статус личности в ходе восстановления социальной справедливости в уголовном судопроизводстве. Международное сообщество выработало принципы, которые являются правовыми началами механизма обеспечения прав и свобод личности в этой сфере. К основным документам, формулирующим указанные принципы, относятся: Основные принципы, касающиеся независимости судебных органов, «Минимальные стандартные правила ООН, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних, Декларация основных принципов правосудия, касающихся преступления и злоупотребления властью, Свод принципов защиты лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме и др.

Обеспечение прав и свобод личности в уголовном судопроизводстве имеет системную природу, так как его элементы обусловлены взаимосвязью принципов и норм международных правовых документов в этой сфере, конституционными требованиями. По некоторым оценкам «под механизмом обеспечения прав и свобод личности в уголовном процессе следует понимать систему правовых средств и методов, включающую четкое определение целей и задач уголовного процесса, единую логически последовательную регламентацию правового статуса каждого участника (субъекта) уголовного процесса, закрепление гарантий, реально обеспечивающих осуществление прав личности в сфере уголовной юрисдикции в том числе установление последствий неисполнения либо ненадлежащего исполнения обязанностей органами и должностными лицами, призванные разрешать возложенные на них уголовно-процессуальным законом задачи, а также установленную законом процедуру реабилитации лиц, необоснованно преследовавшихся в уголовно-правовом порядке» [2].

По мнению автора, в механизме обеспечения прав и свобод личности в уголовном судопроизводстве важную роль играет и учет юридических особенностей, приемов законодательного закрепления, соблюдения, охраны и защиты прав и свобод, выражающихся в текстуальном, нормативном, логико-правовом контексте уголовно-процессуального законодательства и предполагающих особенности их реализации в юридической практике.

Нужно сказать, что отечественная правовая наука еще не выработала общепринятого подхода к интерпретации соотношения прав личности и свобод личности. Изучение научных источников позволяет утверждать, что на сегодня культивируются два подхода к этой проблеме,

первый из которых мы предлагаем назвать интегральным (на том основании, что его авторы объединяют права и свободы, не видя особенностей в их юридической природе, способах формулирования и реализации в правоприменительной практике), а второй — оппозиционным (на том основании, что его представители видят особенности в их юридической природе, способах формулирования и реализации в правоприменительной практике).

В качестве иллюстрации интегрального подхода можно привести точку зрения Ю. В. Трошкина. По его мнению, «свободы — это те же права, однако они действуют в таких сферах, куда государство не должно вмешиваться, но в то же время обязано обеспечивать их защиту, одновременно охраняя границы установленных прав» [3]. Аналогичной позиции придерживается С.Н. Кожевников, который полагает, что «права гражданина» и «свободы гражданина» совпадают [4].

Появление оппозиционного подхода, очевидно, восходит к временам перестройки, когда Г. А. Керимов и Д. В. Мальцев обосновали положение о том, что свободы следует понимать как права, дающие большую самостоятельность личности, возможность проявления ее большей инициативы. По их мнению, права, «требующие особенно высокой личной инициативы, индивидуального усмотрения и самостоятельности по отношению к другим лицам, являются свободами» [5]. С точки зрения других авторов, свободы выражаются в том, что «...государство делает акцент именно на свободном, максимально самостоятельном самоопределении человека в некоторых сферах общественной жизни. Оно стремится к самой минимальной регламентации поведения граждан, обеспечивая их свободы, прежде всего, невмешательством, как своим собственным, так и со стороны всех социальных субъектов» [6]. Некоторые исследователи, обращаясь к анализу разных интерпретаций соотношения прав и свобод, указывают на то, что они различаются не столько своим социальным содержанием, сколько способом (механизмом) регулирования [7].

Несмотря на то что оппозиционный подход к проблеме получил распространение в 1980-х гг., тем не менее можно предположить, что одним из первых отечественных теоретиков, высказавших точку зрения, аналогичную идее оппозиционного разделения прав и свобод, был В. А. Патюлин, который еще в 1970-х гг. указал на то, что отличием прав является притязание на некоторое благо, а отличием свобод — возможность выбирать варианты поведения [8].

К числу приверженцев разделения прав и свобод следует отнести и тех авторов, которые используют текстуально-терминологический критерий, когда

текст нормативного правового акта содержит соответствующие термины, такие как «права» и «свободы». Обычно не разграничивая права и свободы как правовые явления, они указывают на текст какого-либо правового предписания, содержащего данные термины. Так, под свободами понимается совокупность свобод, закрепленных Конституцией Российской Федерации [9].

По нашему мнению, как правовое явление свобода является производной права, устанавливается и обеспечивается правом. Главенствующая роль в обеспечении осуществления свобод конкретного лица возлагается на других лиц, которые не должны ему в этом препятствовать, а также выполнением обязанностей создавать условия для реализации прав на свободу. Поскольку возможность свободы обуславливается правовой нормой, устанавливающей определенные обязанности тех или иных субъектов правовых отношений, то разграничение прав и свобод реализуется конструкцией правовой нормы, которая устанавливает механизм их регулирования. В связи с этим не вполне понятна точка зрения авторов «Большого юридического словаря», по мнению которых, «юридическая свобода не имеет четкого механизма реализации, ей соответствует обязанность воздерживаться от совершения каких-либо нарушающих данную свободу действий» [10]. Ведь «обязанность воздерживаться от соответствующих действий» также имеет юридическую природу, обеспечивая право лица на свободу, поэтому и покушение на свободу, и ее законное ограничение следует рассматривать в качестве факта, имеющего юридические последствия именно в силу того, что юридическая свобода имеет свой механизм реализации (обеспечения). Другими словами, свобода как правовое явление есть норма, закрепленная соответствующим источником права, основной задачей которой является создание механизма ее реализации.

Сказанное в полной мере относится и к уголовно-процессуальным нормам. Как пишут авторы одного из учебников, «норма уголовно-процессуального права — это записанное в законе обязательное правило, содержащее указание на основание и условия его применения, субъектов регулируемых отношений, их права и обязанности, санкции за неисполнение обязанностей или нарушение запрета» [11]. Говоря о структуре уголовно-процессуальной нормы, состоящей, как и абсолютное большинство норм, из гипотезы, диспозиции и санкции, укажем на их видовую классификацию, особенности формулирования диспозиции в некоторых из них. Так, обязывающие, запрещающие и управомочивающие (атрибутивно-императивные)

нормы, подразделяемые по предмету регулирования, отличаются тем, что обязывающие и запрещающие содержат определенные диспозиции, а управомочивающие могут содержать и относительно-определенные. Примером диспозиции запретительной нормы может быть ч. 1 ст. 75 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ): «Недопустимые доказательства не имеют юридической силы и не могут быть положены в основу обвинения, а также использоваться для доказывания любого из обстоятельств, предусмотренных ст. 73 настоящего Кодекса». Диспозиция обязывающей нормы, в частности, сформулирована в ч. 2 ст. 16 УПК РФ: «Суд, прокурор, следователь и дознаватель разъясняют подозреваемому и обвиняемому их права и обеспечивают им возможность защищаться не запрещенными настоящим Кодексом способами и средствами». Диспозиции управомочивающих норм отличаются тем, что дают правовую возможность субъекту действовать по своему усмотрению. Например, согласно п. 4 ч. 14 ст. 46 УПК РФ обвиняемый вправе «приносить жалобы на действия (бездействие) и решения дознавателя, следователя, прокурора и суда и принимать участие в их рассмотрении судом». Здесь видно, что особенностью диспозиции является относительная определенность, выражаемая в том, что обвиняемый может воспользоваться, а может и не воспользоваться указанным правом. «Относительно определенные диспозиции, — пишет один из авторов, — устанавливая права и обязанности сторон, предоставляют вместе с тем некоторые возможности самостоятельного выбора варианта поведения» [12].

Если использовать классификацию уголовно-процессуальных норм по степени обязательности, то, очевидно, нормы с подобными диспозициями должны быть отнесены к диспозитивным нормам [13], которые допускают возможность выбора вариантов поведения в рамках, установленных этой нормой.

Можно сказать, что многие уголовно-процессуальные нормы общего характера следует отнести к подобного рода нормам, т. е. они являются управомочивающими диспозитивными нормами. Так, иногда законодатель, формулируя запретительную норму, относящуюся к одному участнику уголовного судопроизводства, косвенно формулирует диспозитивную норму, относящуюся к другому. Сказанное, в частности, подтверждает ч. 1 ст. 12 УПК РФ: «Осмотр жилища производится только с согласия проживающих в нем лиц или на основании судебного решения, за исключением случаев, предусмотренных частью пятой статьи 165 настоящего Кодекса». Норма, запрещающая осмотр жилого помещения без согласия проживающих в нем лиц, одновременно предоставляет правовую

возможность отказать в осмотре жилого помещения этих лиц без судебного решения. Подобная диспозиция содержится и в п. 2 ст. 14 УПК РФ, согласно которой «Подозреваемый или обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность. Бремя доказывания обвинения и опровержения доводов, приводимых в защиту подозреваемого или обвиняемого, лежит на стороне обвинения».

Очевидно, что подобные нормы можно назвать еще и предоставительно-обязывающими, в которых реализация права одного участника обеспечивается исполнением обязанности другого. При этом относительно определенная диспозиция управомочивающей нормы обеспечивается определенной диспозицией обязывающей и запрещающей нормы.

Таким образом, отметим, что все диспозитивные нормы являются управомочивающими. Однако не все управомочивающие нормы являются диспозитивными. Это означает, что часть управомочивающих норм имеет определенные диспозиции, в которых четко и исчерпывающе прописываются права и обязанности субъектов. Преимущественно к таким относятся диспозиции норм ст. 47 УПК РФ, п. 4 которой формулирует перечень прав обвиняемого: «1) знать, в чем его обвиняют; 2) получить копию постановления о привлечении его в качестве обвиняемого». Здесь четко прописан объект правообладания — предмет обвинения, постановление о привлечении в качестве обвиняемого. В этом смысле диспозиция нормы, сформулированной п. 3 ч. 4 ст. 47 УПК РФ, выглядит иначе: «Возражать против обвинения, давать показания по предъявленному ему обвинению либо отказаться от дачи показаний». Такую же логико-языковую структуру имеют диспозиции и иных норм, сформулированных в этой статье, например: давать показания и объясняться на родном языке или языке, которым он владеет (п. 6 ч. 4 ст. 47 УПК РФ).

Можно сказать, что при формулировании норм этого вида законодатель, как правило, использует языковую форму «вправе...». Однако иногда либо прямым способом, либо контекстно используется и формула «не обязан...». Во втором случае подразумевается широкий диапазон действий участника уголовного судопроизводства, предоставляемый нормой. Аналогичный смысл имеет и использование дизъюнктивной связки «или», «либо», но не в соединительном, а в разделительном смысле. По нашему мнению, указанные случаи являются примерами формулирования не процессуальных прав, а процессуальных свобод.

В завершение следует, таким образом, сказать, что соотношение прав и свобод в уголовном судопроизводстве целесообразно рассматривать

через призму особенностей их нормативного закрепления в тексте законодательства. Нормы, формулирующие права и свободы относятся к правообязывающим. Критерием же разграничения норм, закрепляющих права участников уголовного судопроизводства, от норм, закрепляющих их процессуальные свободы, служат особенности формулирования диспозиции. В первом случае это определенная диспозиция, во втором — относительно определенная. В языковом выражении данный способ формулирования диспозиции состоит в использовании таких языковых конструкций, как «не обязан...», «или», «либо» (в разделительном смысле). Действие этих норм в механизме правового регулирования обеспечивается запретом на вмешательство иных участников уголовного судопроизводства в процесс принятия решения по поводу тех или иных действий необязательного характера, обязанностью судьи, прокурора, следователя, дознавателя свидетеля разъяснять потерпевшему, подозреваемому и обвиняемому содержание их прав и свобод. Можно констатировать, что возможность процессуальных свобод осуществляется на основе установления нормой совокупности обязанностей лиц не препятствовать совершать или не совершать соответствующие действия, а также других обязанностей, создающих условия для этого. Сама же норма, для того чтобы выполнять свою регулируемую функцию, обеспечивая возможность свободы, должна иметь соответствующую структуру, формально обеспечивающую существование и реализацию процессуальной свободы.

-
1. Диаконов В. В. Теория государства и права: учеб. пособие. М., 2004.
 2. Володина Л. М. Проблемы уголовного процесса: закон, теория, практика. М., 2006.
 3. Трошкин Ю. В. Нарушение и защита прав человека и прессы: учеб. пособие. М., 1997.
 4. Кожевников С. Н. Общая теория права. Н. Новгород, 2000.
 5. Керимов Д. А., Мальцев Д. В. Политика — дело каждого. М., 1986.
 6. Общая теория государства и права. Академический курс в 2-х т. М., 2000. Т. 1.
 7. Скуратов Ю. И. Свобода собраний, митингов и демонстраций: теория и практика // Советское государство и право. 1987. № 7. С. 35—42.
 8. Патюлин В. А. Государство и личность в СССР. М., 1978.
 9. Грудцына Л. Ю. Правовой словарь. М., 2008.
 10. Большой юридический словарь. М., 2007.
 11. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учебник. М., 2003.
 12. Вопленко Н. Н. Очерки общей теории права. Волгоград, 2009.
 13. Ольшевская Н. Уголовно-процессуальное право. М.; СПб., 2010.

-
1. Diakonov V. V. Theory of State and Law. Textbook. Moscow, 2004.
 2. Volodina L. M. Problems of the Criminal Procedure: Law, Theory, Practice. Moscow, 2006.
 3. Troshkin Yu. V. Violation and Protection of Human Rights and Media: Textbook. Moscow, 1997.
 4. Kozhevnikov S. N. General Theory of Law. N. Novgorod, 2000.
 5. Kerimov D. A, Maltsev D. V. Politics is Everyone's Business. Moscow, 1986.
 6. General Theory of State and Law. Academic Course in 2 vols. - Moscow, 2000. V. 1.
 7. Skuratov Yu. I. Freedom of Assemblies, Meetings and Demonstrations: Theory and Practice // Soviet State and Law, 1989, No 7. Pp. 35—42.
 8. Patyulin V. A. State and Person in the USSR. Moscow, 1978.
 9. Grudtsyna L. Yu. Juridical Dictionary. Moscow, 2008.
 10. Large Juridical Dictionary. Moscow, 2007.
 11. Criminal Procedural Law of the Russian Federation: Textbook. Moscow, 2003.
 12. Voplenko N. N. Essays on the General Theory of Law. Volgograd, 2009.
 13. Olshevskaya N. Criminal Procedural Law. Moscow, 2010